

КЕВИН ДАТТОН

САМ СЕБЕ
ПСИХОЛОГ

МУДРОСТЬ ПСИХОПАТОВ

*“Людей больше беспокоят не сами события,
а то, как они воспринимают их”.*

Сам себе психолог (Питер)

Кевин Даттон

Мудрость психопатов

«Питер»

2012

УДК 615.851
ББК 53.57

Даттон К.

Мудрость психопатов / К. Даттон — «Питер», 2012 — (Сам себе психолог (Питер))

ISBN 978-5-4461-1480-1

Как бы парадоксально это ни звучало, у психопатов есть чему поучиться!.. Психопаты не знают страха и жалости, они обаятельны, привлекательны и безгранично уверены в себе. Да и вспыльчивы они далеко не всегда. В наше время деление на психопатов и нормальных людей условно, вот почему распознать психопата не так уж просто. Качества, присущие психопатам, нередко встречаются у лидеров. Отсутствие жалости и готовность манипулировать, завышенная самооценка, неистощимое обаяние и необыкновенный дар убеждения — все это позволяет им делать что угодно и когда угодно, совершенно не заботясь о последствиях и не испытывая ни малейших угрызений совести. У психопатов, безусловно, есть чему поучиться — их личные качества и интеллект гарантируют успех в жизни. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 615.851
ББК 53.57

ISBN 978-5-4461-1480-1

© Даттон К., 2012
© Питер, 2012

Содержание

Предисловие	6
1. Мятеж Скорпиона	12
Самая суть	13
Говорящая походка	15
Люди, которые пристально смотрят на одежду	17
Радар на психопата	20
«Вагонеткология»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кевин Даттон

Мудрость психопатов

Kevin Dutton

The Wisdom of Psychopaths. Lessons in Life from Saints, Spies and Serial Killers

© Kevin Dutton, 2012 ISBN 978-0434020676 (англ.)

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2014

ISBN 978-5-496-00724-5 © Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер», 2014

Он в себе

Обрел свое пространство и создать

В себе из Рая – Ад и Рай из Ада

Он может.

Джон Милтон. Потерянный рай (1667), книга 1, строки 254–255

Предисловие

Мой отец был психопатом. Возможно, несколько странно говорить это сейчас, оглядываясь назад. Но это так. Он был очаровательным, бесстрашным, безжалостным (хотя никогда не впадал в ярость). Совести у него имелось столько же, сколько у холодильника Джеффри Дамера («Милуокского каннибала»). Мой отец никого не убил. Хотя несомненно совершил несколько убийств.

Правда, хорошо, что гены далеко не все определяют в нашей жизни?

У моего отца было также сверхъестественное умение добиваться именно того, чего он хотел. Зачастую он делал это с помощью случайно оброненных слов. Или одного красноречивого жеста. Люди даже говорили, что он похож на одного вульгарного персонажа популярного сериала «Только дураки и лошади» («Only Fools and Horses»). На самом деле так и было. Не просто похож на него – он и поступал в точности как тот персонаж (который тоже был рыночным торговцем).

Сериал «Только дураки и лошади» в точности напоминал фильм о семье Даттонов.

Помню, однажды я помогал отцу разобрать кучу ежедневников на рынке в Петти-Коат Лейн, в лондонском Ист-Энде. Тогда мне было десять лет, и я должен был быть в школе. Эти ежедневники являлись объектом коллекционирования. В них было только одиннадцать месяцев.

«Ты не можешь продавать их, – протестовал я. – В них нет января».

«Я знаю, – ответил отец. – Именно поэтому я забыл о твоём дне рождения».

«Уникальная возможность заполнить ежедневник на одиннадцать месяцев... Специальное предложение “Два по цене одного” – вы получаете дополнительный месяц на следующий год бесплатно...»

Мы распродали всю партию.

Я всегда считал, что мой отец был идеальной личностью для современной жизни. Я никогда не видел, чтобы он впадал в панику. Никто не замечал, чтобы он терял хладнокровие или раздражался по поводу чего-либо. А уж поверьте мне, что была масса случаев, когда он мог бы сделать это.

Однажды отец сказал мне: «Говорят, что страх у людей выработался как механизм выживания, защищающий их от хищников. Но, мой мальчик, ты видел много саблезубых тигров, крадущихся по улицам в наше время?»¹

Он был прав. Я не видел ни одного. Возможно, по ним бродило какое-то количество подлецов. Но все знали, кто это.

Долгое время, пока я рос, я считал эти меткие слова своего отца одной из его шуток торговца. Сказанной сегодня и забытой завтра. Достаточно забавной чушью, которую он нес, чтобы сбыть товар. Но сегодня, через много лет, я понимаю, что на самом деле это была глубокая биологическая истина, изреченная старым мошенником. На самом деле он предвосхищал точку зрения, которой с гордостью придерживаются современные эволюционные психологи. Похоже, что мы, люди, действительно выработали реакцию страха в качестве механизма выживания для защиты от хищников. Например, обезьяны с поражением миндалины² (мин-

---

¹ См.: Arne Ohman and Susan Mineka. The Malicious Serpent: Snakes as a Prototypical Stimulus for an Evolved Module of Fear // Current Direction in Psychological Science 12, no.1 (2003): 5–9. Популярное изложение эволюционных основ эмоций вы можете найти в работе: LeDoux Joseph E. The Emotional Brain: The Mysterious Underpinnings of Emotional Life (New York: Simon & Shuster, 1996). *Здесь и далее – примеч. авт.*

² См.: Heinrich Klüver and Paul C. Bucy. Psychic Blindness and Other Symptoms Following Bilateral Temporal Lobectomy in Rhesus Monkeys // American Journal of Psychology 119 (1937): 353-3; Heinrich Klüver and Paul C. Bucy. Preliminary Analysis of Functions of the Temporal Lobes in Monkeys // Archives of Neurology and Psychiatry 42, no. 6 (1939): 979-1000.

далевидная железа – отдел мозга, отвечающий за сортировку эмоций) делают крайне глупые вещи. К примеру, пытаются взять в лапы кобру.

Но через миллионы лет в мире, в котором дикие звери не бродят по улицам, система страха может быть чрезмерно чувствительной – подобно нервному водителю, постоянно нажимающему на педаль тормоза, – и реагировать на опасности, которых на самом деле нет, заставляя нас принимать нелогичные и иррациональные решения.

«В эпоху плейстоцена не существовало такой вещи, как фондовая биржа³, – отмечает Джордж Левенштейн, профессор экономики и психологии из Университета Карнеги-Меллон. – Но люди патологически избегают риска. Многие механизмы, лежащие в основе наших эмоций, на самом деле плохо приспособлены к современной жизни».

Я предпочитаю версию моего отца.

Наблюдение, согласно которому современные люди патологически избегают риска, не означает, что это на самом деле так. В действительности можно утверждать, что те из нас, кто клинически негативно относится к риску (например, те, кто страдает от хронической тревожности), просто обладают хорошей вещью в избыточном количестве. Эволюционные биологи убеждены, что во времена наших предков существование индивидов, пребывающих в состоянии повышенной бдительности, могло стать решающим благоприятным фактором в борьбе с хищниками. С этой точки зрения тревожность, несомненно, была серьезным адаптивным преимуществом. Чем чувствительнее вы были к шорохам в траве, тем выше была вероятность того, что вы сохраните жизнь себе, своей семье и членам своей расширенной группы. Даже в наши дни тревожные индивиды лучше остальных обнаруживают присутствие опасности⁴: prominently гневное лицо в череде лиц со счастливым или нейтральным выражением на компьютерном экране. Тревожные люди выявляют их намного быстрее, чем те, кто не является тревожным, – а это неплохая способность, если вам пришлось оказаться одному на улицах в незнакомом месте. Иногда тревога может оказаться очень полезной.

Конечно, мысль, что психическое расстройство порой может пригодиться и обеспечить выдающиеся и даже невероятные преимущества, а также причинить серьезные страдания, трудно назвать новой. Более 2400 лет назад философ Аристотель писал так: «Не бывает гениальности без примеси безумия». Когда речь заходит об аутизме или шизофрении, в сознании большинства людей эта связь между гениальностью и безумием выражена очень сильно благодаря успеху кинофильмов «Игры разума» и «Человек дождя». В своей книге «Человек, который принял жену за шляпу»⁵ («The Man who mistook his wife for a hat») невролог и психиатр Оливер Сакс описывает свою знаменитую встречу с близнецами. Двадцатилетние Джон и Майкл, страдающие глубоким аутизмом, жили в интернате. Когда спички рассыпались по полу, оба они одновременно выкрикнули: «Сто одиннадцать!» Когда Сакс стал собирать спички, он начал считать.

Распространенный стереотип блестящего, но «страдающего» художника также не лишен оснований. Художник Винсент Ван Гог, танцовщик Вацлав Нижинский и отец «теории игр» (о которой мы поговорим позже) Джон Нэш были психотиками. Совпадение? Но не с точки зрения психиатра Саболича Кери из Университета Земмельвайса в Будапеште, который открыл полиморфизм генов, связанных и с шизофренией, и с творчеством. Кери обнаружил, что люди с двумя копиями определенной однобуквенной вариации ДНК⁶ в гене нейрегулин 1 (вариации,

³ Цитата из работы: *Spencer Jane. Lessons from the Brain-damaged Investor* // Wall Street Journal, 21 July 2005. <http://online.wsj.com/article/OSB112190164023291519,00.html> (accessed 19 October 2008).

⁴ См.: Elaine M. Fox, Riccardo Russo and George A. Georgiou. Anxiety Modulates the Degree of Attentive Resources Required to Process Emotional Faces // *Cognitive, Affective and Behavioral Neuroscience* 5, no. 4 (2005): 396–404.

⁵ Oliver Sacks. *The Man who mistook his wife for a hat* (London: Picador, 1985).

⁶ См.: *Szabolcs Keri. Genes for Psychosis and Creativity: A Promoter Polymorphism of the Neuregulin 1 Gene is Related to Creativity in People with High Intellectual Achievements* // *Psychological Science* 20, no.9 (2009): 1070–73.

которую ранее связывали с психозами, а также плохой памятью и болезненным восприятием критики) склонны демонстрировать более высокие показатели креативности, чем индивиды с одной копией этой вариации или вообще без нее. В среднем те, у кого была одна копия, были более креативными, нежели те, у кого эта вариация вообще отсутствовала.

Даже у депрессии есть свои преимущества. Недавно проведенные исследования показали, что уныние помогает нам думать – и вносит свой вклад в повышение внимательности и способности решать проблемы. Во время своего остроумного эксперимента Джо Форгас⁷, профессор психологии из Университета Нового Южного Уэльса, расставлял разные безделушки – игрушечных солдатиков, пластмассовых животных и миниатюрные машинки – рядом с кассой маленького магазина в Сиднее. Когда покупатели выходили из магазина, Форгас тестировал их память, прося назвать как можно больше предметов из увиденных на кассе. Но в эксперименте была одна хитрость. Если погода была дождливой, Форгас включал в магазине «Реквием». В солнечные дни покупатели наслаждались музыкой Гилберта и Салливана.

Результаты эксперимента не допускали двойного толкования. Покупатели «в плохом настроении» запоминали почти в четыре раза больше безделушек на кассе. Дождь вызывал печаль, а печаль заставляла их быть более внимательными.

Какова мораль этой истории? В хорошую погоду не забывайте проверять сдачу.

Если вы подходите к заболеванию с точки зрения преимуществ и психологических призов, очень трудно представить себе состояние, которое не окупалось бы по крайней мере в той или иной степени. Обсессивно-компульсивное расстройство? Вы никогда не забудете выключить газ. Параноидное расстройство? Вы никогда не забудете прочесть то, что напечатано мелким шрифтом. На самом деле страх и печаль – тревога и депрессия – представляют собой две из пяти базовых⁸ эмоций, которые универсально развивались во всех культурах и которые практически все из нас испытывали в те или иные моменты своей жизни. Но существует группа людей, являющихся исключением из этого общего правила: они не испытывают эмоций даже в самых тяжелых обстоятельствах. Это психопаты. Психопат не станет беспокоиться даже в том случае, если оставит газ включенным.⁹ А какая светлая сторона есть у этого состояния?

Задайте этот вопрос психопату – и, скорее всего, он посмотрит на вас как на сумасшедшего. Видите, для психопата нет темных сторон. Для него есть только светлые стороны. Тот неизбывный факт, что год состоит из двенадцати, а не одиннадцати месяцев, мог бы, на ваш взгляд, обречь на неудачу попытку продать бракованные ежедневники. Но не для моего отца! На самом деле для него это означало нечто прямо противоположное. Он отнесся к этому, как к дополнительному достоинству товара.

⁷ Joseph P. Forgas, Liz Goldenberg and Christian Unkelbach. Can Bad Weather Improve Your Memory? A Field Study of Mood Effects on Memory in a Real-Life Setting // Journal Of Experimental Social Psychology 45 (2009): 254–257.

⁸ Остальные три базовые эмоции – это гнев, радость и отвращение. По поводу включения в этот список шестой эмоции, удивления, ведутся споры.

⁹ По большей части психопатами являются мужчины. У мужчин психопатия встречается гораздо чаще, чем у женщин. Было предложено множество объяснений этого факта. Специалисты по психологии развития подчеркивают различия в уровне агрессии, которые могут происходить из-за двойственных методов социализации, используемых родителями при воспитании мальчиков и девочек, а также указывают на тот факт, что у девочек раньше, чем у мальчиков, развиваются лингвистические и социоэмоциональные навыки, что, в свою очередь, может приводить к возникновению более эффективных стратегий подавления поведенческих проявлений. С другой стороны, специалисты по эволюционной психологии рассматривают встроены гендерные различия в активации поведения и ухода от конфликта в качестве возможного источника этих различий. Например, женщины, как правило, заявляют, что в присутствии аверсивного раздражителя (раздражителя, вызывающего отрицательную реакцию) испытывают эмоции «негативного ухода от конфликта» (например, страх), тогда как мужчины – эмоции «негативной активации» (например, гнев). Третье направление психологии указывает на возможную роль социологических факторов в «выявлении наличия» этого расстройства: например, часть клиницистов при диагностике демонстрирует определенные гендерные предубеждения, связанные с тем, что общество традиционно осуждало женщин с внешними проявлениями антисоциальной психопатологии либо тех, кто заявлял о своих антисоциальных чувствах и установках. Какова бы ни была причина, вполне возможно, что мы имеем дело с сочетанием всех трех факторов, но, согласно оценкам, частота встречаемости психопатии у мужчин составляет 1–3%, а у женщин – 0,5–1%.

И он не одинок. Многие переступают эту черту. Во время проведения своих исследований я встречал множество психопатов не только в собственной семье, но и во всех сферах жизни. За закрытыми дверями я столкнулся со множеством Ганнибалов

Лектеров и Тедов Банди: с жестокими, бессовестными индивидами, которых вы без всяких сомнений внесли бы в любой список психопатов. Но я встречал также и таких психопатов, которые не разрушали общество изнутри, а служили ему, защищая и обогащая его благодаря своему бесстрастному самообладанию и отточенной способности принимать решения: хирургов, солдат, разведчиков, предпринимателей и даже, страшно сказать, адвокатов.

«Не высовывайся. Не имеет значения, насколько ты хорош. Они не должны видеть, что ты пришел, – говорил Аль Пачино в роли главного адвоката ведущей юридической фирмы в фильме «Адвокат дьявола». – Это искусство, мой друг, – сделать себя маленьким. Будь деревенщиной. Калекой. “Умником”. Прокаженным. Фриком. Посмотри на меня – меня недооценивали с самого первого дня». Аль Пачино играл Дьявола. И, что неудивительно, попал прямо в цель. У психопатов есть общая черта: виртуозная способность выдавать себя за обычных нормальных людей, тогда как за этим фасадом – жестокой и великолепной маской – бьется холодное сердце безжалостного хищника.

Вот что сказал мне один блестящий молодой адвокат на балконе своего пентхауса с видом на Темзу: «Где-то глубоко внутри меня скрывается серийный убийца. Но я отвлекаю его кокаином, Формулой-1, свиданиями ради секса и блестящими перекрестными допросами. Так я всегда медленно отхожу от края».

Эта встреча на балконе с молодым адвокатом (позднее он следовал за мной на своем катере до моего отеля, который находился ниже по течению) является иллюстрацией моей теории о психопатах. Одна из причин, по которой мы так восторгаемся ими, заключается в том восхищении, которое мы испытываем по отношению к иллюзии, к тому, что вещи на поверхности кажутся нормальными, но при внимательном исследовании оказываются прямой противоположностью этому наблюдению. Есть такой паук *Amysciaea lineatipes*, внешне напоминающий муравьев, на которых он охотится. Только когда становится слишком поздно, жертвы понимают, что их представление о характере этого паука было неверным. Многие из тех, кого я интервьюировал, точно знали, что они чувствуют. И, поверьте, они были счастливыми людьми.

Посмотрите на картинку. Сколько мячей вы видите? Шесть? Посмотрите еще раз. Все еще шесть? Ответ на этот вопрос вы найдете ниже.

Именно так и выглядят психопаты. Их внешняя привлекательность, шарм, харизма и безупречный психологический камуфляж отвлекают нас от их «истинной окраски» – латентной аномалии. Их отвращающее, гипнотическое присутствие неудержимо притягивает нас.

Однако психопатия, как продемонстрировали нам Дьявол и его талантливый лондонский протеже, может быть и полезной. Во всяком случае, при умеренном проявлении. Как тревожность, депрессия и еще несколько других психиатрических расстройств, психопатия иногда может иметь адаптивное значение. Личный магнетизм и гениальная маскировка – это лишь «пакет социальной помощи». У психопатов, как мы увидим далее, есть множество качеств, которые (если вы знаете, как ими управлять и держать их под контролем) могут обеспечить преимущество не только на работе, но и в повседневной жизни. Психопатия напоминает солнечный свет: его избыток может производить канцерогенный эффект, однако регулярное и контролируемое пребывание на солнце и оптимальный уровень солнечного света оказывают крайне благоприятное воздействие на благополучие и качество жизни.

Далее мы подробно поговорим об этих качествах и узнаем, как их включение в наш собственный набор психологических навыков может радикально преобразить нашу жизнь. Конечно, я никоим образом не собираюсь приукрашивать поступки психопатов, а тем более действия дисфункциональных психопатов. Это было бы сродни идеализации когнитивной меланомы: злокачественным проискам рака личности. Но существуют доказательства, позволяющие предположить, что психопатия (по крайней мере в малых дозах) представляет собой личность, тронутую солнечным загаром. И что у такой личности могут быть удивительные преимущества.

Я сам наблюдал несколько таких случаев. Шли годы, мой отец отошел от торговых дел, и боги оказались не так уж милостивы к нему. (Хотя он не был слишком разборчивым: изображения Будды, пророка Магомета, Пресвятого Сердца, Девы Марии – все они побывали в свое время на его мотоцикле с коляской.) Отец заболел болезнью Паркинсона – и за пугающе короткое время превратился из человека, который мог собрать чемодан за десять секунд (эта его

способность пригождалась на удивление часто), в человека, который не мог встать без помощи рук («Раньше они были как из меди», – сказал бы отец).

Но самое замечательное произошло после смерти отца. По крайней мере лишь тогда я обратил на это внимание. Однажды вечером, вскоре после похорон, я разбирал его вещи и наткнулся на исписанную от руки тетрадь в ящике письменного стола. Эти записи принадлежали сменяющимся сиделкам, которые ухаживали за отцом в течение нескольких месяцев до смерти (отец умудрился вопреки многочисленным советам до смерти оставаться дома) и в совокупности представляли собой своего рода «дневник» сиделки.

Первое, что мне бросилось в глаза в этом дневнике, – это аккуратность и детальность записей. Записи, сделанные синей или черной шариковой ручкой явно женской рукой, красиво шли поперек. Но чем больше я читал, тем лучше понимал, насколько однообразны были последние месяцы пребывания отца на этой земле, насколько монотонным, повторяющимся и беспросветно унылым должно было быть это финальное стояние за прилавком на рынке жизни. Конечно, когда я навещал отца, он не давал мне понять этого даже намеком. Болезнь Паркинсона лишила силы руки и ноги отца, но не его дух.

Тем не менее реальность ситуации была очевидна:

«Подняла мистера Даттона с кровати в 7:30».

«Побрила мистера Даттона».

«Приготовила мистеру Даттону сэндвич с огурцом».

«Принесла мистеру Даттону чашку чая».

И так далее. И тому подобное. До бесконечности.

Очень скоро я заскучал. И, как любой на моем месте, начал перелистывать страницы. Неожиданно что-то привлекло мое внимание. Дрожащей неуверенной рукой, крупными буквами посреди одной из страниц было написано следующее: «Мистер Даттон кувырком скатился в прихожую». Затем через пару страниц было написано: «Мистер Даттон исполнил стриптиз на балконе».

Что-то говорило мне, что он мог выдумать это. Но это был тот мой отец, о котором я рассказывал вам. Зачем пренебрегать привычками, которым он был верен всю свою жизнь?

Кроме того, правила игры изменились. За этой чепухой маячила высокая истина: история человека, чья душа была под обстрелом, чьи нервные цепи и синапсы были безнадежно и безжалостно разрушены огнем. Однако этот человек, когда его мир распадался на куски, а игра почти подошла к концу, продолжал сражаться, не проявляя никакой почтительности.

Скатывание кувырком и стриптиз одержали вверх над бритьем и сэндвичами с огурцом в любой день недели.

Кого волнует, что это могло оказаться выдумкой?

Да, вы правы, мячей шесть. А теперь внимательно присмотритесь к рукам человека на картинке. Заметили что-нибудь необычное?

1. Мятеж Скорпиона

*Великий и хороший редко оказывается одним и тем же человеком.
Уинстон Черчилль*

Скорпион и Лягушка сидели на берегу реки, а им нужно было переправиться на другой берег.

«Здравствуй, Лягушка! – крикнул Скорпион из зарослей тростника. – Не будешь ли ты так добра и не перевезешь ли меня на себе на другой берег? У меня там важное дело. А я не могу плыть при таком сильном течении».

У лягушки сразу же возникло подозрение.

«Хорошо, Скорпион, я признаю тот факт, что у тебя важное дело на другом берегу. Но давай задумаемся над твоей просьбой. Ты – Скорпион. На конце твоего хвоста огромное жало. Как только я позволю тебе сесть мне на спину, если ты ужалишь меня, это будет полностью соответствовать твоей природе», – ответила Лягушка.

Скорпион, который предвидел возражения Лягушки, так ответил на них:

«Моя дорогая Лягушка, твои опасения абсолютно обоснованны. Но не в моих интересах жалить тебя. Мне на самом деле нужно оказаться на другом берегу. И я даю слово, что не причиню тебе вреда».

Лягушка неохотно согласилась, что в словах Скорпиона есть резон. Поэтому она позволила красноречивому членистоногому сесть ей на спину. И без дальнейших разговоров прыгнула в воду.

Сначала все шло хорошо. Но на полпути Лягушка вдруг почувствовала острую боль в спине и краем глаза увидела, что Скорпион выдергивает из нее свое жало. Мертвящий холод начал сковывать ее лапки.

«Ты идиот! – прохрипела Лягушка. – Сказал, что тебе нужно перебраться на другой берег по важному делу. А теперь мы оба погибнем!»

Скорпион вздрогнул. И исполнил танец на спине тонущей Лягушки.

«Лягушка, ты сама сказала это. Я – Скорпион. И ужалил тебя в соответствии со своей природой», – снисходительно ответил он.

После этих слов и Скорпион, и Лягушка исчезли в темной илистой воде быстротекущей реки.

И с тех пор их больше никогда не видели.

Самая суть

Во время суда над Джоном Уэйном Гейси в 1980 году он заявил, что его настоящая вина состоит лишь в том, что он «устроил кладбище, не имея на это лицензии».

Это и в самом деле было кладбище. С 1972 по 1978 год Гейси были изнасилованы и убиты по меньшей мере тридцать три молодых мужчины и мальчика (средний возраст которых составил 18 лет), после чего он похоронил их под своим домом. Одна из жертв, Роберт Доннели, сумела пережить «ухаживания» Гейси, но похититель так безжалостно пытал его, что Доннели сам несколько раз просил смерти.

Гейси был ошеломлен. «Я сделаю по-своему», – ответил он.

Я держал мозг Джона Уэйна Гейси в руках. После его казни в 1994 году, произведенной посредством смертельной инъекции, доктор Хелен Моррисон – свидетель защиты на суде и один из ведущих мировых экспертов по серийным убийцам – ассистировала на вскрытии тела Гейси в чикагском госпитале. Она вернулась домой с его мозгом, помещенным в маленькую стеклянную банку, стоящую на пассажирском кресле ее бьюика. Доктор Моррисон хотела обнаружить любые аномалии – повреждения, опухоли, заболевания, – которые отличали бы мозг Гейси от мозга нормальных людей.

Исследования не выявили ничего необычного.

Несколько лет спустя за чашкой кофе в офисе доктора Моррисон в Чикаго я говорил с ней о важности ее открытий. О важности того, что она ничего не обнаружила.

Я спросил ее: «Значит ли это, что все мы глубоко внутри психопаты? Что в каждом из нас таится желание насиловать, убивать и мучить? Если нет никакой разницы между моим мозгом и мозгом Джона Уэйна Гейси, то где же тогда скрывается разница?»

Моррисон заколебалась, прежде чем усомниться в одной из самых основополагающих истин в неврологии.

«Мертвый мозг полностью отличается от живого, – сказала она. – Внешне наши мозги могут быть очень похожи друг на друга, но функционировать при этом совершенно по-разному. Именно это происходит, когда свет включен, а не выключен, и баланс нарушен. Гейси представлял собой настолько крайний случай, что я сомневалась, нет ли чего-нибудь такого, что могло бы повлиять на его поступки, – какого-нибудь повреждения или травмы мозга либо какой-нибудь анатомической аномалии. Но ничего не было. Мозг был абсолютно нормальным. Это лишь показывает, насколько сложным и непостижимым может быть иногда головной мозг и насколько неохотно он открывает нам свои секреты. Различия в воспитании либо другой случайный опыт могут вызвать незаметные изменения во внутренних электроцепях и химии мозга, которые позже приведут к тектоническим сдвигам в поведении».

Разговоры Моррисон о включенном свете и тектонических сдвигах в поведении напомнили мне о слухах о Роберте Хаэре, профессоре психологии из Университета Британской Колумбии, одном из ведущих мировых специалистов по психопатологии. В 1990-х Хаэр послал в научный журнал статью¹⁰, где были приведены результаты электроэнцефалограмм психопатов и непсихопатов, которые они продемонстрировали при выполнении задачи лексического решения. Хаэр с соавторами показывали добровольцам серию буквенных последовательностей, а затем просили их максимально быстро сделать вывод, являются ли эти последовательности словами.

Они получили поразительные результаты. Если нормальные участники эксперимента идентифицировали такие эмоционально насыщенные слова, как «рак» (c-a-n-c-e-r) или «изна-

---

¹⁰ Вот эта статья, которую в конце концов Хаэру удалось опубликовать: *Sherrie Williamson, Timothy J. Harpur and Robert D. Hare. Abnormal Processing of Affective Words by Psychopaths // Psychophysiology 28, no. 3 (1991): 260–273.*

силование» (r-a-p-e), быстрее, чем нейтральные слова типа «дерево» (t-r-e-e) или «тарелка» (p-l-a-t-e), то в случае психопатов все было совершенно не так. Для психопатов эмоции не имели значения.

Журнал отклонил эту статью. Как выяснилось, не за выводы. Но за еще более поразительную вещь. Некоторые энцефалограммы были настолько аномальными, что, по мнению рецензентов, не могли принадлежать реальным людям. Но они принадлежали им!

Заинтригованный беседой с доктором Моррисон в Чикаго о тайнах и загадках психопатического разума (и об упрямстве нервной системы вообще), я отправился к Хаэру в Ванкувер. Насколько правдивы были слухи о нем? Я спросил его напрямую. Неужели журнал на самом деле отклонил эту статью? А если да, то что же произошло потом?

Как выяснилось, много чего.

«Существуют четыре различных типа мозговых волн, начиная с бета-волн, излучаемых во время периодов высокой активности, альфа- и тета-волн и заканчивая дельта-волнами, сопровождающими глубокий сон. Эти волны отражают колебания уровня электрической активности головного мозга в различное время. У нормальных людей тета-волны ассоциируются с дремотой, медитацией или сном. Однако у психопатов они отмечаются в нормальном состоянии бодрствования – а иногда и во время состояния повышенного возбуждения.

Для психопатов язык всего лишь океан слов. Слова не имеют эмоционального оконтуривания. Психопат может сказать “Я люблю тебя”, но в действительности это значит для него ровно столько же, как если бы он сказал: “Я бы выпил чашечку кофе”.

Это одна из причин, в силу которых психопаты остаются такими хладнокровными, спокойными и собранными в состоянии крайней опасности, почему ими движет тяга к вознаграждению и почему они идут на риск. Если говорить буквально, то их мозг “включается” в меньшей степени, чем у большинства из нас».

Я снова возвращаюсь к Гейси и тому, что узнал от доктора Моррисон.

Внешне нормальный (Гейси был столпом своей общины, а один раз даже удостоился чести быть сфотографированным вместе с первой леди Розалин Картер), Гейси скрывал своего внутреннего скорпиона под плащом очарования. Но в его природе было ужалить вас – даже под угрозой утопления. «Поцелуй меня в задницу», – сказал он конвойному, когда входил в комнату для исполнения приговора.

Говорящая походка

Тридцатипятилетний Фабрицио Росси был мойщиком окон. Однако его тяга к убийствам в конце концов поглотила его. И сейчас, поверьте, он зарабатывает этим на жизнь.

Когда мы стояли рядом друг с другом весенним утром, наполненным нежными ароматами, в спальне Джона Уэйна Гейси, я спросил Росси, в чем суть дела. Что такого есть в психопатах, что делает их столь притягательными для нас? Почему они нас так восхищают?

Его явно не в первый раз спрашивали об этом. Росси ответил так: «Я думаю, главное в психопатах то, что, с одной стороны, они так нормальны, так похожи на большинство из нас, а с другой – так сильно отличаются от нас. Я имею в виду, что Гейси даже одевался в костюм клоуна и выступал на детских утренниках... Это типично для психопатов. Внешне они кажутся такими обычными! Однако достаточно соскрести поверхностный слой, заглянуть в подвал – и вы никогда не знаете наверняка, что сможете там найти».

Конечно, мы разговаривали не в настоящей спальне Гейси. Это была ее имитация на экспозиции, которая претендовала быть самым зловещим музеем в мире: Музей серийных убийц во Флоренции. Этот музей расположен на Виа-Кавур, богатой боковой улочке, совсем близко от кафедрального собора.

И Фабрицио Росси курирует этот музей.

Музей процветает. А почему бы и нет? Здесь есть все, кто имеет к этому отношение. Все – от Джека Потрошителя до Джеффри Дамера. От Чарльза Мэнсона до Теда Банди.

Я говорю Росси, что Тед Банди – это интересный случай. Зловещий предвестник скрытых сил психопата. Соблазнительный показатель возможности того, что если вы взгляните повнимательнее, то в подвале вы найдете нечто большее, чем просто темные тайны.

Росси как минимум сильно удивлен.

«Но Банди – один из самых знаменитых серийных убийц в истории, – говорит он. – Он один из главных экспонатов нашего музея. Неужели здесь может быть что-то еще, помимо темных тайн?»

Может. В 2009 году, через двадцать лет после казни Банди в тюрьме штата Флорида (в тот момент, когда Банди вели к электрическому стулу, местные радиостанции попросили слушателей отключить бытовые приборы, чтобы максимально увеличить подачу электроэнергии в тюрьму), психолог Анджела Бук и ее коллеги из Университета Брока в Канаде решили поймать холодного американского серийного убийцу на слове. Во время одного из интервью Банди, который за четыре года в середине 1970-х проломил череп тридцати пяти женщинам, заявил со своей мальчишеской, чисто американской улыбкой, что он всегда может распознать «хорошую» жертву просто по тому, как она идет.

«Я самый хладнокровный сукин сын, которого вы когда-либо встречали», – вещал Банди. И никто не мог уличить его в неточности. «Но мог ли он одновременно быть и самым сообразительным?» – ломала голову Бук.

Чтобы выяснить это, она решила провести простой эксперимент¹¹. Во-первых, она раздала самозаполняемую шкалу психопатии¹² (анкету, специально предназначенную для оценки

---

¹¹ См.: Sarah Wheeler, Angela Book and Kimberley Costello, (2009). Psychopathic Traits and the Perception of Victim Vulnerability // Criminal Justice and Behavior 36, no. 6 (2009): 635–648. Здесь следует отметить, что хотя у психопатов может быть радар уязвимости, имеются факты, свидетельствующие о том, что психопатов тоже «выдают» некоторые элементы их языка тела, которые отличают их от остальных людей. Например, в одном из исследований с использованием видеосъемки было показано, что психопатов можно с уверенностью отличить от непсихопатов на основе кадров с пяти-десятисекундной выдержкой. См.: Katherine A. Fowler, Scott O. Lilienfeld, and Christopher J. Patrick. Detecting Psychopathy from Thin Slices of Behavior // Psychological Assessment 21, no. 1 (2009): 68–78.

¹² См.: Delroy L. Paulhus, Craig S. Neumann and Robert D. Hare. Self-Report Psychopathy Scale: Version III (Toronto: Multi-Health Systems, forthcoming).

психопатических признаков у населения в целом, а не у тех индивидов, которые находятся в больницах или тюрьмах) сорока семи студентам-старшекурсникам мужского пола. Затем исходя из полученных результатов Бук разделила участников на две группы: с высокими и низкими показателями. После этого она засняла на видео походку двенадцати новых участников эксперимента, когда они шли по коридору из одной комнаты в другую, где заполняли стандартную демографическую анкету. В этой анкете были два вопроса: (1) Были ли вы когда-нибудь жертвой нападения в прошлом? (ответ: да или нет) и (2) Если да, то сколько раз вы были жертвой нападения?

Наконец, Бук представила 12 видеозаписей исходным сорока семи участникам эксперимента и предложила им оценить по десятибалльной шкале, насколько уязвимым кажется каждый из 12 человек.

В основе этого эксперимента лежала простая идея. Если уверенность Банди обоснованна и он на самом деле мог учуять слабость жертвы по тому, как она шла, то те, кто набрал больше баллов по самозаполняемой шкале психопатии, должны оценивать уязвимость людей лучше тех, кто набрал мало очков.

Именно так все и оказалось на самом деле. Более того, когда Бук повторила эту процедуру с индивидами из тюрьмы строгого режима¹³, которым был поставлен диагноз «психопатия», она выяснила еще кое-что. «Психопатические» старшекурсники из первого эксперимента хорошо идентифицировали слабость жертвы. Но клинические психопаты справлялись с этим еще лучше. Они открыто заявляли, что судят по тому, как люди ходят. Как и Банди, они точно знали, кого они ищут.

---

¹³ *Kimberley Costello and Angela Book. Psychopathy and Victim Selection: стендовый доклад на конференции Общества научного изучения психопатии, Монреаль (Канада), май 2011 г.*

Люди, которые пристально смотрят на одежду

Результаты Анджелы Бук не были случайностью. Она принадлежит к тем, чьи исследования в последнее время начали изображать психопатию в новом свете – без мрачных теней, так полюбившихся газетчикам и голливудским сценаристам. Эти новости усваиваются с трудом. И здесь, в зловещем уголке Флоренции, как и в любом другом месте, к подобным новостям относятся с известным скептицизмом.

Росси спрашивает недоверчиво: «Вы имеете в виду, что иногда совсем неплохо быть психопатом?»

Я киваю в ответ: «И не просто неплохо. Иногда это может оказаться везением – быть психопатом и благодаря этому иметь преимущество перед окружающими».

Бывший мойщик окон вряд ли согласился со мной. И было нетрудно понять почему. Банди и Гейс явно не были той компанией, в которую хотелось бы попасть. Давайте взглянем правде в глаза: когда у вас есть еще несколько десятков примеров людей, имевших неприятности с судом, трудно увидеть позитивные стороны психопатии. Но Музей серийных убийц рассказывает лишь часть истории. Причем меньшую часть. Как дала понять доктор Моррисон, судьба психопата зависит от целого ряда факторов, включающих в себя гены, семейную историю, образование, интеллект и возможности. А также от взаимодействия этих факторов друг с другом.

Такой же точки зрения придерживается и Джим Каури, вице-президент Национальной ассоциации начальников полиции США. По наблюдениям Каури, признаки, типичные для психопатических серийных убийц (невероятное чувство собственного достоинства, убедительность, внешнее очарование, безжалостность, отсутствие угрызений совести и манипуляция другими людьми), в равной степени присущи политикам и мировым лидерам.

Другими словами, тем, кто не скрывается от полиции, а обращается к ней. Каури отмечает, что подобный профиль позволяет своим обладателям делать то, что они хотят и когда они хотят, полностью игнорируя социальные, моральные или юридические последствия своих действий.

Например, если вы родились под нужной звездой и обладаете такой же властью над умами людей, как луна над морями, вы можете приказать уничтожить сто тысяч курдов и подняться на виселицу с таким загадочным упорством, которое вызовет невольное молчаливое уважение даже у самых непримиримых ваших противников. «Не бойтесь, доктор. Это для мужчин», – гаркнул Садам Хусейн, стоя на эшафоте за несколько мгновений до повешения.

Если вы жестоки и хитроумны, как Роберт Модсли – «Ганнибал Лектер» из реальной жизни, вы можете завлечь заключенного в свою камеру, разmozжить ему череп столярным молотком и выскрести его мозг ложкой так же бесстрастно, как вы съели бы яйцо, сваренное всмятку. (Кстати, Модсли последние тридцать лет провел в одиночном заключении в пуленепробиваемой камере в подвале уэйкфилдской тюрьмы в Англии.)

Или если вы похожи на Джеймса Джерати – блестящего нейрохирурга, сохраняющего безжалостную холодность и сосредоточенность, находясь под давлением, вы можете попытаться счастья на переднем крае медицины XXI века, где опасность налетает на вас как ветер, дующий со скоростью сто метров в минуту, а на медлительность и рассуждения времени не остается. Вот что сказал мне Джерати:

«У меня нет сострадания к тем, кого я оперирую. Эту роскошь я просто не могу себе позволить. В операционной я рождаюсь заново: холодная, бессердечная машина, один на один со скальпелем, бором и пилой. Когда вы режете мозг и обманываете смерть, чувствам нет места. Эмоция – это энтропия, наносящая серьезный ущерб делу. Я искоренял эмоции на протяжении многих лет».

Джерати – один из ведущих английских нейрохирургов, и хотя от его слов по телу пробегают холода, они полностью обоснованы. Глубоко в гетто самых опасных районов мозга скрывается психопат, как одинокий и безжалостный хищник, одинокая особь, наделенная переходящим и смертельным очарованием. Нет, по лестницам нашего сознания крадется скорее не это слово, а образы серийных убийц, насильников и безумных, одиноких террористов-смертников.

Но что, если бы я нарисовал вам совершенно иную картину? Что, если бы я сказал вам, что поджигатель, уничтоживший ваш дом, в параллельной вселенной может быть героем, смело входящим в пылающие здания, чтобы отыскать и вынести ваших любимых? Или что парень с ножом, притаившийся в тени на задворках кинотеатра, может, спустя несколько лет, умело работать с совершенно другим ножом в операционной?

Согласен, в подобные заявления верится с трудом. Но это правда! Психопаты бесстрашны, уверены в себе, харизматичны, безжалостны и сосредоточенны. И, вопреки популярным представлениям, вовсе не обязательно жестоки. Да, все это прекрасно. Вернее, может быть прекрасным. Как мы уже знаем, это зависит от того, что еще лежит на полках шкафа вашей личности. Здесь не тот случай, когда ящик открыт или закрыт, а вы являетесь или не являетесь психопатом. Здесь скорее существуют внутренние и внешние зоны расстройств, которые немного похожи на тарифные зоны метро. Как мы увидим во второй главе, существует целый спектр психопатии, в рамках которого каждому из нас найдется место; лишь незначительное количество людей, занимающих верхние строчки в рейтинге, являются обитателями «центральной части города».

Например, человек может сохранять ледяное спокойствие под давлением и демонстрировать такую же эмпатию, как горная лавина (таких можно найти в операционных залах биржи) – и при этом не быть жестоким, антисоциальным или лишенным совести. Такого индивида, демонстрирующего высокие показатели по двум психопатическим качествам, можно считать находящимся в спектре психопатии дальше от опасной зоны, нежели человека, который набрал меньше очков по двум вышеуказанным показателям, зато продемонстрировал высокие показатели в отношении всех признаков.

Точно так же, как нет официальной демаркационной линии между теми, кто играет в гольф ради удовольствия по выходным, и Тайгером Вудсом, нет границы между суперпсихопатом мирового класса, истинным «пятном на теле человечестве», и тем, на ком есть просто «психопатические пятна». Взгляните на признаки психопатии как на шкалу и ползун студийного пульта звукорежиссера. Установите их на максимум – и вы получите саундтрек, который никому не принесет пользы. Но если отградуировать этот саундтрек, сделать одни признаки – бесстрашие, сосредоточенность, отсутствие эмпатии, жесткость мышления – громче других, вы, возможно, получите в результате выдающегося хирурга.

Конечно, хирургия – это лишь один из примеров тех сфер, где психопатические «таланты» могут обеспечить преимущество. Но существуют и другие области. Возьмем, к примеру, правоохранительные органы. В 2009 году, вскоре после того, как Анджела Бук опубликовала результаты своего исследования, я решил провести свои собственные исследования¹⁴. Если, как выяснила Бук, психопаты действительно лучше выявляют уязвимость, то этому можно найти полезное применение. Существуют методы, с помощью которых эта способность должна давать преимущество обществу, а не подрывать его устои. Меня осенило, когда я встречал приятеля в аэропорту. Думаю, все мы становимся параноиками, когда приходится проходить через таможенную. Даже если мы абсолютно невиновны. Но представьте себе, что бы вы чувствовали, если бы на самом деле пытались что-то утаить от таможни.

¹⁴ Это исследование продолжается до сих пор, и в настоящее время идет сбор данных, которые должны прийти на смену результатам предварительных наблюдений.

В моем эксперименте приняло участие тридцать студентов-старшекурсников: у одной половины были высокие показатели по самозаполняемой шкале психопатии, у другой – низкие. Было также пять «помощников». Задача студентов была проста. Им надо было сидеть в аудитории и наблюдать за движениями помощников, которые входили в дверь и выходили через другую, маленькую дверь на возвышении кафедры. В этом заключалась ловушка. Студенты должны были определить, кто из помощников «виновен»: у кого из пяти помощников спрятан красный носовой платок.

Чтобы поднять ставки в игре, виновному «помощнику» вручали £100. Если жюри правильно определяло виновного – то есть если при голосовании человек с платком оказывался в первой строке списка, – студенты получали свои деньги обратно. Если же жюри ошибалось и перст правосудия указывал на невинного, «виновный» помощник оставлял £100 себе.

Когда помощники входили в аудиторию, нервы у всех были на пределе. Но кто из студентов будет самым лучшим «таможенником»? Насколько надежными окажутся хищнические инстинкты психопата в данном случае? Или нюх на уязвимость откажет ему?

Результаты были просто невероятными. Более 70 % тех, кто продемонстрировал высокие показатели по самозаполняемой шкале психопатии, правильно выбирали укрывателя носового платка; среди обладателей низких показателей таких оказалось только 30 %.

Определение великолепной возможности может быть частью навыков серийного убийцы. Но оно может пригодиться и в аэропортах.

Радар на психопата

В 2003 году Рейд Мелой, профессор психиатрии Школы медицины Калифорнийского университета в Сан-Диего, провел эксперимент¹⁵, который можно расценивать как обратную сторону эксперимента с алым носовым платком. Да, традиционные «позорящие человечество» психопаты славятся своей способностью чувствовать нашу уязвимость. Но они известны и тем, что нагоняют на нас страх. Истории из клинической практики и отчеты из повседневной жизни изобилуют высказываниями тех, кто столкнулся с этими безжалостными социальными хищниками: таинственными, интуитивными афоризмами типа «у меня на загривке волосы стали дыбом» или «у меня мурашки поползли по телу». Но есть ли в этом какое-то зерно истины? Оказываются ли наши инстинкты на высоте? Выбираем ли мы психопатов так же безошибочно, как они – своих жертв?

Чтобы выяснить это, Мелой задал 450 специалистам в области правопорядка и психиатрии вопрос: испытывали ли они странные физические реакции, интервьюируя психопатических субъектов – жестоких преступников, у которых все индикаторы на «пульте звукорежиссера» стояли на максимуме?

Результаты не оставляют места для разночтений. Более трех четвертей респондентов согласились с тем, что они испытывали эти ощущения, причем женщины чаще, чем мужчины (84 и 71 % соответственно). Клиницисты, имеющие степень магистра или бакалавра, сообщали о своих странных ощущениях чаще, чем обладатели докторской степени или работники правоохранительных органов (84, 78 и 61 % соответственно). Вот несколько примеров высказываний респондентов: «Я чувствовал себя его обедом», «испытывал отвращение, антипатию, притяжение», «дыхание зла прошло сквозь меня».

Но что именно мы выявляем?

Чтобы ответить на этот вопрос, Мелой решил вернуться в прошлое: в доисторические времена, когда эволюция человека подчинялась диктату призрачных теней. Существует множество теорий, как могла развиться психопатия, и мы поговорим о них несколько позже. Но главный вопрос в этой великой этиологической схеме следующий: как с онтологической точки зрения следует рассматривать это состояние? С клинической точки зрения – как расстройство личности? Или с точки зрения теории игр – как легитимный биологический гамбит, стратегию жизни, дающую существенные репродуктивные преимущества в древней примитивной среде?

Кент Бейли, почетный профессор клинической психологии Университета содружества Вирджинии, отстаивает вторую точку зрения¹⁶ и предлагает теорию, согласно которой яростная конкуренция внутри и между проксимальными группами предков была главным эволюционным предшественником психопатии (или, по его терминологии, «воинственных ястребов»).

Вот что предполагает Бейли: «Определенная степень хищнического насилия была необходима во время охоты для поисков и убийства крупной добычи – и элитарная группа безжалостных “воинственных ястребов” предположительно оказалась бы очень кстати не только в качестве инструмента для отслеживания и убийства добычи, но и как силы обороны против нежелательных инициатив аналогичных соседних групп».

Конечно, возникала проблема, что делать с этими «воинственными ястребами» в мирное время. Робин Данбар, профессор психологии и эволюционной антропологии Оксфордского университета, поддерживает точку зрения Бейли¹⁷. Исследуя времена викингов (период с IX

¹⁵ См.: J. Reid Meloy and M. J. Meloy. Autonomic Arousal in the Presence of Psychopathy: A Survey of Mental Health and Criminal Justice Professionals // *Journal of Threat Assessment* 2, no. 2 (2003): 21–34.

¹⁶ См.: Kent G. Bailey. The Sociopath: Cheater or Warrior Hawk? // *Behavioral and Brain Sciences* 18 (3), no. 3 (1995): 542–543.

¹⁷ См.: Robin I. M. Dunbar, Amanda Clark and Nicola L. Hurst. Conflict and Cooperation among the Vikings: Contingent Behavioral Decisions // *Ethology and Sociobiology* 16 (3), no. 3 (1995): 233–246.

по XI век), Данбар приводит пример берсерков – прославленных воинов-викингов, которые, по свидетельству саг, поэм и исторических хроник, сражались в состоянии транса с неистовой яростью. Но давайте немного глубже копнем литературу. И перед нашим взором возникает более мрачная картина: опасная элита в любой момент могла обратить свою силу против членов общины, которых должна была защищать, и совершить насилие по отношению к сельским жителям.

По мнению Мелоя, здесь и кроется ответ на загадку волос, вставших дыбом на голове, и широкого спектра эволюционных представлений, лежащих в основе нашего встроенного «радар на психопата». Кент Бейли утверждает, что если такие «хищные» индивиды среди наших предков были психопатами, то отсюда, исходя из всех наших знаний о естественном отборе, следует, что это – улица с односторонним движением. Более миролюбивые члены общины должны были развить у себя механизм, некую скрытую технологию наблюдения, которая выявляла бы опасность в их когнитивном пространстве – секретную систему раннего оповещения, которая позволяющую вовремя удариться в бегство.

В свете работ Анджелы Бук с жертвами нападений и моих собственных исследований с «контрабандистами» алого носового платка подобный механизм может достаточно просто объяснить как гендерные, так и статусные различия, выявленные в экспериментах Мелоя. Учитывая устоявшуюся репутацию психопатов как дьявольских сомелье эмоций, их особый нюх на загадочные нотки слабости, вполне вероятно, что женщины (в качестве эволюционной компенсации большей физической уязвимости) могут интенсивнее и чаще демонстрировать реакцию в присутствии психопатов – как и специалисты в области психиатрии, обладающие более низким профессиональным статусом.

Конечно, это лишь рабочая гипотеза. Чем сильнее вы чувствуете, что вам угрожают, чем выше опасность нападения на вас, тем важнее укреплять систему безопасности.

Разумеется, тот факт, что во времена наших предков существовали безжалостные, не испытывающие угрызений совести охотники, владеющие темными навыками хищников, не вызывает сомнения. Но предположение, что эти охотники, со своей способностью к предвидению, были психопатами в том виде, в каком мы знаем их сегодня, вызывает ряд вопросов. В плане диагностики камнем преткновения является эмпатия.

В древности самыми плодовитыми и успешными охотниками были, как и следовало ожидать, отнюдь не самые кровожадные и упорные индивиды. Таких охотников отличали спокойствие и эмпатия. Это были люди, способные настроиться на сознание преследуемой добычи – «поставить себя на ее место» и поэтому с достоверностью предсказывать ее хитроумную траекторию движения, ее пути и способы бегства.

Чтобы понять, почему это так, достаточно посмотреть на ребенка, который учится ходить. Постепенное развитие прямохождения, все более выраженная стойка на двух ногах возвестили и облегчили наступление новой эры первых покупателей. Вертикальное положение тела обеспечило более быстрое и эффективное передвижение, что позволило нашим предкам в африканской саванне добывать пищу и охотиться в течение более длительного времени, чем это было возможно при передвижении на четырех конечностях.

Но охота по типу преследования добычи, как это известно из антропологии, имеет свои собственные проблемы. Гну и другие виды антилоп могут легко обогнать человека и исчезнуть за горизонтом. Если вы можете точно предсказать, где они в конце концов остановятся – либо по следам, которые они оставляют во время бегства, либо настроившись на их мысли, либо делая то и другое, – вы можете существенно повысить свои шансы на выживание.

Поэтому если хищники демонстрируют эмпатию, а в некоторых случаях даже развивают ее, то как они могут оказаться психопатами? Если и есть вещь, в отношении которой нет разногласий, то это выраженное отсутствие чувств и понимания окружающих психопатами. Как нам выйти за пределы этого круга?

Помощь находится рядом – это когнитивная нейробиология. Некоторое содействие нам окажет и пресловутая моральная философия.

«Вагонеткология»

Джошуа Грин, психолог из Гарвардского университета, провел последние несколько лет, наблюдая за тем, как психопаты продираются через дебри моральных дилемм¹⁸, как реагирует их мозг, находясь внутри той или иной этической барокамеры. Он наткнулся на некоторые очень любопытные вещи. Эмпатия не единообразна, а шизофренична. Существуют две разновидности эмпатии: горячая и холодная.

Для начала рассмотрим головоломку (случай 1), которую впервые предложила философ Филиппа Фут¹⁹.

Железнодорожная вагонетка несется по рельсам. На ее пути находятся пять человек, которые привязаны к рельсам и не могут освободиться. К счастью, вы можете переключить стрелку, и тогда вагонетка поедет по другому, запасному пути. Но за это надо заплатить – на запасном пути находится один человек, также привязанный к рельсам, который погибнет в этом случае под колесами вагонетки. Должны ли вы переключать стрелку? Большинство из нас не испытывает серьезных затруднений, решая, что делать в этой ситуации. Хотя перспектива переключения стрелки сама по себе не выглядит великолепной, утилитарный вариант – убить одного человека вместо пятерых – кажется наименьшим из зол. Правильно?

А теперь давайте рассмотрим второй случай, предложенный философом Джудит Дарвис Томсон²⁰.

Как и прежде, неуправляемая вагонетка несется по рельсам, к которым привязаны пять человек. Но на этот раз вы стоите на железнодорожном мосту за спиной очень крупного незнакомого вам человека. Единственный способ спасти пятерых – столкнуть незнакомца на железнодорожные пути. Но таким образом вы обрекаете его на верную гибель. Зато его тело остановит вагонетку и спасет пять жизней. Должны ли вы столкнуть незнакомца с моста?

Можно сказать, что в этом случае мы опять сталкиваемся с дилеммой из реальной жизни. Хотя счет жизней остается точно таким же, как в первом случае (пять и одна), эта ситуация заставляет нас задуматься и встревожиться. Но почему?

Джошуа Грин убежден в том, что у него есть ответ. И он имеет отношение к различным климатическим поясам в нашем мозгу.

Он считает, что случай 1 мы можем назвать безличной моральной дилеммой. Она связана с определенными отделами головного мозга, префронтальной корой и задней теменной корой (в частности, передней префронтальной корой, височным полюсом головного мозга и верхней височной бороздой), которые задействованы в нашем объективном переживании холодной эмпатии: в рассуждениях и рациональном мышлении.

---

¹⁸ Из следующих работ вы можете узнать больше об исследованиях Джошуа Грина и поразительном взаимодействии между неврологией и принятием моральных решений: *Joshua D. Greene, Brian R. Sommerville, Leigh E. Nystrom, John M. Darley and Jonathan D. Cohen. An fMRI Investigation of Emotional Engagement in Moral Judgment // Science 293, no. 5537 (2001): 2105–2108; Andrea L. Glenn, Adrian Raine and R. A. Schug. The Neural Correlates of Moral Decision-Making in Psychopathy // Molecular Psychiatry 14 (January 2009): 5–6.*

¹⁹ Задачу вагонеток в таком виде Филиппа Фут впервые предложила в работе: *The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy* (Berkeley, CA: University of California Press, 1978).

²⁰ См.: *Judith J. Thomson. Killing, Letting Die and the Trolley Problem // The Monist 59 (1976): 204–217.*

Говоря о случае 2, мы могли бы назвать его личной моральной дилеммой, которая стучится в двери эмоционального центра головного мозга – миндалины, отвечающей за горячую эмпатию.

Как и большинство нормальных людей, психопаты достаточно быстро решают, что им делать в случае 1. Они переключают стрелку, вагонетка едет по запасному пути и убивает лишь одного человека вместо пяти. Однако – и в этом суть – в отличие от нормальных людей они так же быстро принимают решение и в случае 2. Психопаты, не моргнув глазом, не задумываясь, сталкивают толстяка с моста, как если бы речь шла о том, чтобы разломить печенье.

Чтобы еще больше все запутать, это различие в поведении отражается, хотя и несколько в ином виде, и в головном мозгу. Паттерны нейронной активности у психопатов и нормальных людей очень похожи, когда речь идет о безличных моральных дилеммах – и резко отличаются друг от друга, как только вещи приобретают более личный характер.

Представьте себе, что я поместил вас в аппарат для проведения функциональной МРТ, а затем предложил вам две эти дилеммы. Что я наблюдал бы, пока вы пробираетесь по злокозненным моральным минным полям? Ну, в тот момент, когда дилемма превращалась бы из безличной в личную, я увидел бы, что ваша миндалина и связанные с ней зоны (медialная глазнично-лобная кора, например) начали светиться, как автомат для игры в пинбол. Другими словами, в этот момент эмоция бросила бы монетку в щель автомата.

Но у психопата я увидел бы лишь темноту. Изобилующее пещерами нейронное казино было бы заколочено досками и заброшено. А переход через границу от безличного к личному ничем не сопровождался бы.

Это различие между горячей и холодной эмпатией, тип эмпатии, который мы «чувствуем», наблюдая за другими людьми, жесткие эмоциональные исчисления, которые позволяют нам оценивать, холодно и бесстрастно, что мог бы думать другой человек, должно быть сладкой музыкой для ушей таких теоретиков, как Рейд Мелой и Кент Бейли. Конечно, психопаты могли демонстрировать свой дефицит и в первом случае и действовать на основании эмоций. Но когда дело доходит до второго случая, когда речь идет о «понимании», а не о «чувствовании», об абстрактном, неэмоциональном предсказании, а не о самоидентификации, когда надо полагаться на обработку символической информации, а не на эмоциональный символизм – на тот набор когнитивных навыков, которыми обладают опытные охотники и специалисты по холодному чтению, и не только в естественной среде, но и в человеческом обществе, – то психопаты оказываются в своей собственной лиге.

На односторонней эмпатии они летают еще лучше, чем на двухсторонней, – что, конечно, является одной из причин того, почему они обладают таким даром убеждения. Если вы знаете, где находятся нужные кнопки, и не обжигаетесь, нажимая на них, то у вас есть все шансы получить джекпот.

Разделение эмпатии на два типа должно звучать сладкой музыкой и для ушей Робина Данбара, которого, когда он не занят изучением материалов о берсерках, иногда можно встретить в комнате для преподавателей в колледже Магдалины. Однажды днем, сидя за чаем с печеньем в алькове, обшитом дубовыми панелями, с видом на монастырь, я рассказывал ему о вагонетках и тех различиях, которые они выявили в функционировании психопатического и нормального мозга. Он несколько не удивился.

«Викинги хорошо справлялись со своими делами, – отметил он. – Берсерки явно не делали ничего такого, что погубило бы их репутацию людей, с которыми лучше не связываться. Но в этом и состояла их работа. Их роль заключалась в том, чтобы быть более безжалостными, более хладнокровными, более жестокими, чем средний викинг-воин, потому что... это было именно то, чем они и являлись! Они на самом деле были более безжалостными, более хладнокровными, более жестокими, чем средний викинг-воин. Если бы вы стали сканировать мозг берсерка и предложили ему дилемму с вагонеткой, я знаю наверняка, какую реакцию вы полу-

чили бы. Точно такую же, как в случае психопатов. Никакой реакции. А толстяк на путях вошел бы в историю!»

Я намазал маслом еще одну лепешку.

«Я думаю, что в каждом обществе нужны определенные индивиды, которые выполняли бы грязную работу, – продолжал Данбар. – Кто-то, кто не боится принимать жесткие решения. Задавать неприятные вопросы. Делать что-то без лишних размышлений. И большую часть времени эти люди, в силу природы своей работы, которую они призваны выполнять, вовсе не обязательно будут хорошими людьми, с которыми вы хотели бы сидеть рядом и выпить чашку чая. Хотите сэндвич с огурцом?»

Дэниэл Бартелс из Колумбийского университета и Дэвид Пизарро из Корнельского университета не могли продолжать споры²¹ и получили документальные доказательства своей правоты. Исследования показали, что примерно 90 % людей отказались бы толкнуть незнакомца с моста, даже если бы они знали, что, преодолев свою природную нравственную щепетильность, соотношение мертвых к живым составило бы один к пяти. Но остаются 10 %: не такое чистое в моральном отношении меньшинство, которое, если бы ему пришлось толкнуть незнакомого человека с моста, испытывало бы мало сожалений в отношении чужой жизни. Но кто принадлежит к этому беспринципному меньшинству? Кто составляет эти 10 %?

Чтобы выяснить это, Бартелс и Пизарро предложили дилемму с вагонеткой более чем 200 студентам; те должны были оценить по четырехбалльной шкале, насколько они готовы толкнуть толстяка с моста на рельсы – то есть степень своей «утилитарности». Затем наряду с вопросом о вагонетке студенты должны были ответить на серию вопросов, специально разработанных для оценки уровня скрытой психопатии. Эти вопросы включали в себя утверждения типа «Мне нравится смотреть на кулачные бои», «Лучший способ управлять людьми – это говорить им то, что они хотят услышать» (согласен/не согласен по шкале от 1 до 10).

Могут ли быть связаны два этих конструкта – психопатия и утилитаризм? Бартелс и Пизарро не знали ответа, но связь оказалась очевидной. Анализ их данных показал достоверную корреляцию между утилитарным решением проблемы вагонетки (толкнуть незнакомого толстяка с моста на рельсы) и преобладающим психопатическим типом личности. Как и предсказывал Робин Данбар, утилитаризм касался в основном денег, но порождал определенные проблемы, как только выходил за чисто денежные рамки. Джереми Бентама и Джона Стюарта Милла, двух британских философов XIX века, с именами которых связана формулировка теории утилитаризма, в общем, считали хорошими людьми.

Это знаменитое высказывание принадлежит Бентаму: «Величайшее счастье максимального количества людей представляет собой фундамент морали и законодательства».

---

²¹ См.: *Daniel M. Bartels and David A. Pizarro. The Mismeasure of Morals: Antisocial Personality Traits Predict Utilitarian Responses to Moral Dilemmas // Cognition 121 (1) (2011): 154–161.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.